

чьих шкур. Следует помнить, что широкое распространение в Бессарабии получила цыгайская порода овец, перенесенная из Сливенского края [Мещерюк 1965: 142–148]. В зимнее время использовали нагольные кожухи из овчины, сшитые мехом внутрь, с длинными рукавами (*кјорк*) или короткие безрукавные кожухи (*кјорче*). Интересно, что длинный кожух с воротником из овчины и длинными рукавами, украшенный черной кожаной аппликацией, называли *шуба* (от арабского «джубба» и русского «шуба»), а кожух без рукавов — *бондицэ, пэптарь* (от молдавского «кептарь»). Из кожи барана мехом внутрь шили штаны (*мешіни*), которые носили в основном пожилые мужчины и пастухи. Обязательной частью мужского костюма была барашковая шапка ладьевидной формы, сшитая мехом наружу (*калпак, пџс*).

Женские безрукавки из овчины, сшитые мехом внутрь (*бедяи, кјорче, кожух*), украшали кожаной аппликацией черного цвета (*маракіяня*), сплетенными кожаными ремешками и пуговицами из скрученных полос овечьей шкуры (*бомбальче*).

Праздничной считалась женская одежда длиной до колена из овчины белого цвета с длинными рукавами, декорированными гарусным шнурком и шерстяными помпонами красного и синего цветов (*хабичка*).

Таким образом, благодаря проведенным полевым исследованиям в селах Тараклийского и Слободзейского районов Молдовы (2015–2017) были получены данные, позволившие уточнить известную информацию о костюмных материалах бессарабских болгар.

Литература

Атлас болгарских говоров в СССР: текст / С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина; под ред. С. Б. Бернштейна. АН СССР. Институт славяноведения. Т. 2. М., 1958.

Бернштейн С. Б. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 42–52.

Калашикова Н. М. Коллекция одежды бессарабских болгар в собрании Государственного музея этнографии // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С. 84–92.

Мещерюк И. И. Переселение болгар в южную Бессарабию. 1828–1834 гг. Кишинев, 1965.

Полевые материалы автора 2015–2017 гг. Исследование проводилось в рамках гранта РГНФ/РФФИ № 15-01-00376/15. В статье приводится терминология элементов традиционных костюмов бессарабских болгар, костюмных материалов и проч., зафиксированная во время экспедиций 2015–2017 гг. в селах Твардица, Кайраклия, Кортен Тараклийского района и в селе Парканы Слободзейского района Приднестровской Молдавской Республики.

А. Г. Мосинец

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

К. С. Алексова

Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София, Болгария

ДУБИТАТИВ И КОНКЛЮЗИВ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА¹

Одной из типологических особенностей болгарского языка является наличие в нем глагольной категории эвиденциальности, которая состоит из четырех элементов: индикатив, конклюдив (инференциал), ренарратив и дубитатив. Они обладают развернутой темпоральной парадигмой — девять временных форм глагола в активном и пассивном залоге.

Объектом данного исследования являются конклюдив и дубитатив. Их объединяет то, что оба носят семантический

© Иванова Е. Ю., Алексова К. С., 2018

¹ Исследование выполнено в рамках международного проекта «Эволюция грамматического строя русского и болгарского языков в сопоставительном аспекте: корпусный анализ и формальные грамматики» при финансовой поддержке РФФИ, Россия (№ 18-512-18003) и Фонда «Научни изследвания», МОН, Болгария (договор № ДНТС/РУСИЯ 02/2, 14.06.2018 г.). Выражаем благодарность за финансовую поддержку.

признак *субъективности передаваемой информации*: при конклюдиве он реализуется как собственное утверждение, вывод, обобщение, умозаключение, а при дубитативе — собственная негативная оценка достоверности передаваемой чужой информации. Предметом исследования в данном докладе являются переводческие соответствия болгарских конклюдива и дубитатива в русском языке.

1. Болгарский конклюдив и тактики его перевода на русский

1.1. Семантика и образование форм болгарского конклюдива

Семантика болгарского конклюдива представляется обычно как выражение умозаключения говорящего. Это относительно ограниченное понимание его значения. При употреблении конклюдива речь идет о собственной субъективной информации, являющейся результатом вывода, обобщения, заключения и в этом широком смысле умозаключения говорящего. Если принять такую точку зрения, то собственная информация, выраженная говорящим с помощью конклюдива, может быть опосредованной, полученной из другого источника.

Таким образом, семантика конклюдива, согласно Р. Ницоловой, представляется через пресуппозицию *Я считаю на основе умозаключения, что p* и ассерцию *Я утверждаю, что p* [Ницолова 2006: 31]. Р. Ницолова выводит также следующее определение конклюдива: «обозначение слабого, незасвидетельствованного знания, базирующегося на общем опыте данного общества или на собственном умозаключении на основе известных фактов» [Ницолова 2006: 28].

В активном залоге в конклюдиве совпадают формы каждого времени с простой ориентацией (ориентированного на момент коммуникации) с его коррелятом со сложной ориентацией (ориентированным на момент в прошлом). Коррелят отсутствует только для аориста. Необходимо отметить, что совпадают формы индикативного перфекта (*чел е*) и конклюдивного аориста (*чел е*), причиной чего является способ

возникновения данной эвиденциальной категории — первым этапом был перенос употребления перфекта в сферу аориста для выражения субъективного умозаключения или передачи чужой информации [см. подробнее: Герджиков 1984]. В страдательном залоге нейтрализуется еще один признак категории времени — признак перфектности (результативности), что приводит к различению только оппозиции *небудущие* : *будущие* времена.

1.2 Перевод болгарского конклюдива на русский язык

В наших примерах из параллельных болгарско-русских произведений классической литературы XX века (переводы выполнены профессиональными переводчиками) мы можем наблюдать, что семантика конклюдива, как правило, выражается не только грамматически, но и с помощью лексических маркеров, таких как вводно-модальные слова типа *значи, навярно, вероятно, може би, изглежда, май*, которые интенсифицируют значение умозаключения: *Тя сигурно е обърнала стаята си наопаки, а това е неприятно за гледане* (Д. Димов). — *Она, навярно, перевернула вверх дном свою комнату, а на это неприятно смотреть* (пер. И. Марченко, А. Собковича). При переводе подобных предложений на русский язык значение вывода сохраняется, но идентифицируется с помощью именно лексических средств, а не глагольной формы.

Однако, когда лексическое указание на умозаключение в болгарском оригинале отсутствует, конклюдивная семантика при переводе на русский язык теряется. Например, в следующем предложении говорящий в рассказе о произошедших с ним лично событиях использует конклюдивные формы, хотя они и передают незасвидетельствованное знание: *Не съм предател аз и не ми е трепнала ръката на мене, ами камъкът имал отвътре гнил дамар, та като ударих с длетото, съм улучил точно в дамара* (Й. Радичков).

При использовании конклюдивных форм I лица (место обычных в таком случае индикативных) подчеркивается

субъективность высказывания, говорящий заново оценивает ситуацию, которую в прошлом почему-либо не мог осознать или воспринял по-иному [Алексова 2016]. В русском переводе нюанс переосмысления ситуации теряется, а информация подается читателю как свидетельская:

Я не предатель, и рука у меня не дрогнула, а просто в камне гнилая жила была, и я как ударил долотом, в самую эту жилу и попал (пер. Н. Глен) (ср. возможный перевод с использованием лексического добавления: *в эту самую жилу, видать, и попал*).

Формы конклюдива допускаются и для передачи информации, полученной с чужих слов. Это происходит в придаточных предложениях с глаголом в одной из прошедших временных форм, когда в главной части содержится глагол речевой деятельности, напр.: *В него [съобщението] освен информацията за злополуката се споменавахте, че колата е била намерена изоставена някъде отвъд Местре и че се води следствие* (Б. Райнов). — *Кроме информации о несчастном случае в нем [в сообщении] сказано, что где-то в окрестностях Местре обнаружена брошенная машина и что ведется следствие* (пер. А. Собковича). Таким образом, в косвенной речи конклюдив вторгается в сферу ренарратива — эвиденциальной граммы, основное назначение которой — пересказ полученных с чужих слов сведений.

Разница в семантике форм конклюдива и ренарратива при передаче чужих сведений состоит в том, что информация, передаваемая конклюдивными формами, включается говорящим в общий фонд знаний и представляется как его субъективное утверждение [Алексова 2016], т. е. употребление конклюдива вместо ренарратива указывает на меньшую дистанцированность говорящего от сообщаемой информации. Например, в следующем предложении форма конклюдива подчеркивает уверенность говорящего в истинности передаваемой информации (доверие дяди словам племянника): *Той [племенникът] веднага е заявил на Криста, че е готов да приеме всяко нейно решение* (П. Вежинов). — *Он [пле-*

мянник] сразу же заявил Кристе, что готов принять любое ее решение (пер. Л. Лихачевой).

В переводе на русский язык различие между конклюдивными и ренарративными формами, как правило, теряется. Однако, согласно Р. Ницоловой, в языковом сознании носителей болгарского языка конклюдив и ренарратив при передаче информации с чужих слов «существенно не различаются с точки зрения дистанцированности» [Ницолова 2006: 34]. В таком случае оппозиция между конклюдивом и ренарративом существует, скорее, формально. Необходимо отметить, что, с нашей точки зрения, это происходит только в косвенной речи, когда в главном предложении присутствует глагол речевой деятельности, а в придаточном (косвенная речь) — глагол в плане прошедшего. Поэтому перевод обеих форм одними и теми же языковыми средствами может быть вполне оправдан.

2. Болгарский дубитатив и тактики его перевода на русский

2.1 Семантика и образование форм болгарского дубитатива

Болгарский — один из немногих языков, где эвиденциальная система включает грамматическое выражение негативной оценки говорящего достоверности/надежности передаваемого чужого высказывания. Термин *недоверчивые глагольные формы*, используемый в болгаристике, выражает значение, которое вносит употребление дубитатива. Недоверие необходимо понимать в широком смысле — скорее, как сдержанность со стороны говорящего по отношению к информации о действии в уже совершенном высказывании (как правило, чужом, но иногда и своем). Сдержанность может колебаться от сомнения, недоверия до полного отрицания, включая ироничное и саркастичное. Общим во всех случаях является негативная эпистемическая оценка говорящим достоверности опосредованной информации.

Семантика дубитатива, по Г. Герджикову, представляется через признаки «пересказывательность» и «субъективность», формообразующие для данных эвиденциальных граммем. Р. Ницолова формулирует семантическую структуру предложения с дубитативом следующим образом: «Я знаю, что X утверждает, что *p*, но сомневаюсь, что *p* верно, т. е. считаю, что скорее возможно $\neg p$ » (Ницолова 2008: 371)

Мы придерживаемся точки зрения, что дубитативные формы образуются от конклюдивных путем пересказывания вспомогательного глагола *съм* и опущения *e* и *са* в 3 л. ед. ч. и мн. ч. (*четял съм* : *четял съм бил*, *четял си* : *четял си бил*, *четял е* : *четял е бил*) [ср. Герджиков 1984: 40–42]. В активном залоге в дубитативе также совпадают темпоральные глагольные формы с простой и сложной ориентацией, а в страдательном залоге нейтрализуется и признак перфектности (результативности) и остаются только две формы: одна для небудущих времен и одна для всех будущих времен. Формы дубитативного аориста (*бил писал*) совпадают с ренарративными (пересказывательными) формами перфекта и плюсквамперфекта, которые, со своей стороны, тоже совпадают (*бил писал*). Все совпадающие формы разграничиваются благодаря контексту.

2.2 Перевод дубитатива на русский язык

В художественных текстах, представленных в параллельном русско-болгарском корпусе, примеры употребления дубитатива довольно редки. Как правило, встречается употребление другой эвиденциальной граммемы (в основном ренарратива) в дубитативном значении, где семантика недоверия выражается с помощью лексических маркеров, напр.: *Благодаря, не тия — отвърна академикът. Не пиел — ама пък лъжа!* (П. Вежинов). Здесь использованы пересказывательные формы, которые получают дубитативное значение благодаря реплике *ама пък лъжа!* Компоненты значения дубитатива — эвиденциальный (передача чужой речи) и

модальный (отношение к истинности высказывания) складываются, таким образом, из употребления ренарратива и лексических (или паралингвистических) средств.

В публицистике и интернет-текстах формы дубитатива, напротив, встречаются гораздо чаще, особенно частотны формы будущего времени, когда автор хочет выразить свое недоверие к планируемым событиям (напр., реформам, обещаниям политиков и т. д.). Для описания способов перевода дубитатива на русский язык нами была составлена анкета из 10 примеров употребления дубитатива в современных болгарских публицистических и интернет-текстах, которая была разослана информантам (русистам в Болгарии и болгаристам в России). Проанализировав анкеты, мы выделили следующие способы перевода дубитатива на русский язык:

1) добавление частиц, маркирующих недоверие, типа *якобы*, *будто бы*: *Знам я твоята болка — модни шлагери съм бил пеем, естрадни песни. Не си прав обаче, лебеде. Хиляди хора имат нужда от това. — Страдание твоё я знаю — популярные модные песенки я **якобы** пел, эстрадные песни / Я знаю, чем ты недоволен: что **будто бы** я модные, эстрадные песни пою...*

Это наиболее частотный вариант перевода дубитативных форм в нашем корпусе. Данные частицы означают сомнительность, мнимость передаваемой информации, а у частицы *будто* отмечается также значение «уверенность в обратном» [Толковый словарь русского языка 1999]. Это совпадает с семантикой дубитатива, которая также варьируется от сомнения до полного отрицания правдоподобности передаваемой информации. Перевод с помощью данных частиц, таким образом, представляется вполне адекватным.

2) лексическое добавление так называемых ксенопоказателей — частиц *мол*, *дескать*, *де*, маркирующих чужую речь в высказывании, напр.: *Проверката мина успешно. После все ни натякваха, че ние, останалите сестри, трябва да сме им благодарни, че са ни отървали от глобата, **щели***

били да ни глобят по една цяла заплата най-малко. — Потом нас все время укоряли, что, мол, мы, остальные сестры, должны им спасибо сказать за то, что они нас от штрафа спасли. Нас, мол, могли штрафануть минимум на целую зарплату.

В толковых словарях русского языка в качестве основного значения таких ксенопоказателей отмечается передача чужой речи, а при описании значения частицы *дескать* мы находим примечание «часто с оттенком недоверия» в словаре [Толковый словарь русского языка 2007]. В работах Н. Д. Арутюновой указано, что при сомнении в истинности высказывания ксенопоказатели сближаются по значению с частицей *якобы* [Человеческий фактор в языке 1992: 52; Арутюнова 2000: 449]. Данные частицы позволяют говорящему снять с себя ответственность за сообщение и используются для отчуждения высказывания, что является первым шагом к его опровержению. Как правило, они не употребляются при передаче высказываний о конкретных фактах [Человеческий фактор в языке 1992: 50]. Таким образом, частицы *мол, де, дескать* способны не только указывать на получение информации от другого лица, но и служить для выражения недоверия к такой информации, что, в принципе, отражает значение болгарского дубитатива. Еще один факт в пользу употребления данных частиц при переводе — все большее их распространение в публицистической полемике в современном русском языке [Человеческий фактор в языке 1992: 52; Арутюнова 2000: 449], что тоже совпадает со сферой распространения болгарского дубитатива.

Необходимо отметить, что для семантики частиц *мол, дескать, де* важен не столько факт передачи чужих слов, сколько интерпретация говорящим текста (или даже невысказанных намерений) цитируемого лица [Плунгян 2008]. Кроме того, частицы *мол, дескать, де* различаются по степени выражения несогласия с передаваемой информацией — от наиболее нейтрального *мол*, которое само по себе не передает сомнения (хотя сомнение может быть выражено кон-

текстом), и чуть более полемичного *дескать* до ироничного *де* [Плунгян 2008; см. также Падучева 2011].

3) лексическое добавление частицы *вроде бы, вроде: Ты серьезно ли твердишь, че Енгел щял бил да се върне у нас вдруиден? — Ты всерьез считаешь, что Энгель вроде бы возвращается послезавтра?*

В отличие от слов типа *наверное, вероятно*, выражающих гипотетичность и используемых при переводе предложений с конклюдивом, частицы типа *вроде бы, кажется* выражают неуверенность, причем неуверенность в информации, полученной не путем умозаключения, а перцептивным [Человеческий фактор в языке 1992: 133]. Информация, полученная с чужих слов, также трактуется в языке как перцептивная, поэтому употребление таких частиц при ее передаче вполне естественно, а в некоторых случаях даже обязательно [Человеческий фактор в языке 1992: 133]. Тем не менее русская частица *вроде бы* передает, скорее, сомнение в верном восприятии информации говорящим, в то время как дубитатив выражает недоверие именно к источнику высказывания и высказываемым фактам.

4) добавление вводных слов, указывающих на источник информации или передачу чужой речи (*по этим сведениям, поговаривают, говорят*): *„Севто“ прави може би най-добре продавания му продукт за износ, показва завидни резултати, ама ще кажем, че струва наполовина, щото, ако не бил Донеv, щял бил да е фалирал. — Пожалуи, «Севто» производит его лучший продукт на экспорт, показываеt неплохие резултати, но предполагаем, что продукт стоиt в два раза дешевле, потому что, говорят, без Донеvа он би точно прогорел.*

5) оформление высказывания как придаточной части при глаголах, указывающих на чужую речь (*поговаривают, что; ходит молва, что*), в том числе с использованием глаголов с интерпретационным компонентом значения (*пригрозить, что*): *Знам я твоята болка — модни илагери съм бил пеел,*

эстрадни песни. — Знаю я боль твою — поговаривают, что я эстрадные песни пою, модные шлягеры; Щял бил ножът му да ме стигне — как не! — Пытаются пригрозить, что я от ножа его пострадаю.

Вводные слова и выражения, а также глаголы, отсылающие к чужому высказыванию, позволяют только указать на чужую речь, т. е. достичь эффекта «отстранения» говорящего от передаваемой информации, и не передают какого-либо недоверчивого отношения к ней.

При употреблении интерпретационных глаголов передается не просто чужая речь, а сам смысл чужих намерений, так, как их понимает говорящий. Однако без дополнительных лексических или интонационных средств остается неясным, насколько говорящий уверен в истинности передаваемого сообщения.

б) В тех случаях, когда дубитативное значение выражалось в оригинале не только грамматически, но и лексически, информанты в основном не использовали каких-либо дополнительных средств для перевода дубитативной формы. Например, при наличии лексического маркера сомнения, в переводе, как правило, именно этот маркер выражает дубитативную семантику и добавление дополнительных лексических средств излишне: *Щял бил ножът му да ме стигне — как не! — Его нож меня настигнет! Как бы не так! / Ножом мог пырнуть меня — как бы не так!*

3. Выводы

Таким образом, в случаях, когда в болгарском предложении присутствуют лексические маркеры, выражающие конклюдивную или дубитативную семантику, в русском тексте передача значения данных эвиденциальных граммем происходит именно благодаря лексическим средствам. При отсутствии таких маркеров семантика конклюдива при переводе, как правило, теряется. Семантика дубитатива, как правило, передается на

русский язык путем добавления частиц, маркирующих недоверие, или ксенопоказателей (при наличии соответствующего контекста), отсутствующих в болгарском оригинале.

Литература

Алексова К. А. Конклюдивът и неговите употреби в съвременния български език // *Електронно списание LiterNet*, № 10 (203), 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://litenet.bg/publish7/kaleksova/konkluzivut.htm> (дата обращения 10.03.2019).

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // *Язык о языке* / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000.

Герджиков Г. Една специфична глаголна категория в съвременния български език. Категорията «ангажираност на говорещия с изказването на действието» // *Годишник на Софийския университет*, 1977, Факултет по славянски филологии. *Българско езикознание*, т. 2. 1977.

Герджиков Г. Преизказването на глаголно действие в български език. София, 1984.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.

Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // *Вопросы языкознания*. 2006. № 4.

Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка. — В: Храковский В., отв. ред. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб, 2007.

Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2011. Т. 70, № 3.

Плунжан В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // В. Wiemer & V. A. Plungjan (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen* // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72*. München: Sagner, 2008.

Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1999.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. М., 2007.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. редактор Т. В. Булыгина. М., 1982.